

信徒

Алексей Серезжкин

УЧЕНИК

Алексей Викторович Серезкин

Ученик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11844193

ISBN 978-5-4474-2354-4

Аннотация

Главный герой – обычный школьник, «ботаник». Он прячется от травли одноклассников в своем собственном уютном мирке из книг.

Но даже во время летних каникул невозможно отгородиться от внешнего мира, и доведенный до отчаяния подросток вынужден ответить ударом на удар. У него появляется друг по прозвищу Кореец, у которого мальчик учится защищать то, что ему дорого, свои принципы и достоинство. Но неизбежно наступит момент, когда ему придется доказать на деле, что уроки Корейца не прошли даром.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ученик

Алексей Викторович Серезкин

Посвящаю моим сыновьям

*Those were the days my friend
We thought they'd never end
We'd sing and dance forever and a day
We'd live the life we chose
We'd fight and never lose
For we were young and sure to have our way.*

Mary Hopkins «Those were the days»

*«Если ученик готов, учитель придет».
Древняя восточная мудрость.*

© Алексей Викторович Серезкин, 2015

© Юлия Владимировна Серезкина, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

По привычке он прижался лицом к оконному стеклу и посмотрел во двор. Все было как обычно – только листва разросшегося дерева под балконом ограничивала поле зрения.

Лето обещало быть жарким. Солнце палило вовсю. В небе ни облачка, листья на дереве шевелились еле-еле, будто нехотя, все вокруг дышало умиротворением и покоем. Мысли сами собой настраивались на тягучий и неторопливый лад. Даже идеи о том, что можно направиться на пляж, не могли толком сформироваться из-за ощущения, что и на реке все затянато зыбким изнуряющим маревом и вода наверняка горячая как суп.

Он с тоской, в который уже раз, подумал о том, что тринадцать, а ему было тринадцать лет – действительно очень и очень несчастливое число.

Ему даже не приходилось делать вид, что все в порядке. Его родители были погружены в науку и похоже просто не замечали его синяков и кровоподтеков, когда он молча возвращался из школы. А может быть они считали, что в его возрасте это было неизбежно и просто принимали как должное, но от их молчаливого самоустранения ему было еще хуже.

– Не факт, что было бы легче и проще, – мрачно подумал он про себя. Едва ли он смог бы им объяснить то, что чувствовал. Как он ненавидел то, что его отдали в школу на год раньше... Он часто вспоминал тот день, когда бойко отгарабанил стишок перед директором школы и прочитал страницу в букваре. Он ведь даже нацарапал какое-то предложение под диктовку. Зачем он все это тогда сделал? Не проще было прикинуться последним кретином и радостно пускать пузыри? Чтобы его прогнали с позором – и он пришел в свой первый класс в возрасте семи лет?

Со вздохом он признался сам себе, что легче бы пожалуй не было. И классом младше него учились ребята, которые как ему казалось могли бы с легкостью отправить его в нокаут одним ударом.

Его основная проблема заключалась в том, что он был отличником и учился лучше всех в классе. Получение им четверки воспринималось учителями с удивлением.

Примерно до 4 класса он радостно давал всем списывать, каждый знал, что домашнее задание можно с легкостью сдуть у него, и порой в классе доходило до локальных склок – кому первому списывать – в результате чего его всегда бережно обернутые в целлофан тетрадки мялись и пачкались.

В этом было что-то неправильное, и однажды взяв в руки измятую и надорванную тетрадь, он почему-то вспомнил, как мама аккуратно надписывала на обложке его имя и фамилию, номер средней школы и класс – округлыми и мягкими буквами, и заплакал. Он ревел как маленький и не мог остановиться – и после этого с ним перестали считаться. Да и считались ли до этого? Он не знал.

После того случая ему пришлось решать помимо своих контрольных и все остальные варианты, и он, сидевший на передней парте с напряженной спиной каждую секунду ждал, как сзади донесется шепот, произносящий его фамилию. Всегда фамилию, никогда имя. Его никогда не называли по имени, и он заранее знал, что услышав свистящий шепот, ему придется обернуться и увидеть недвусмысленные знаки – прямо указывающие ему на необходимость срочного написания шпаргалки. И фразы губами всегда произносились одни и те же. Угрозы не отличались разнообразием и не менялись раз от раза, их легко можно было прочесть по артикуляции губ. И каждый раз у него тянуло и сосало под ложечкой, когда он, не в силах противиться свистящему шепоту сзади, оборачивался назад.

Он успел бы решить не только два варианта, он бы решил в два раза больше, если бы его по-дружески попросили. Но его не попросили. Никогда. У него не обязательно было просить.

Ему просто угрожали, да и угрожали ли? Скорее просто требовали, требовали как должное, не воспринимая его никак иначе, чем просто легкий и удобный источник требуемого.

Друзей у него не было. Были приятели, но в его положении как-то само собой так получалось, что он был один всегда, когда ему требовалась помощь и поддержка.

Когда он отказался дать списать в первый раз – это вызвало удивление. Его основные корреспонденты настолько удивились, что его просто слегка побили.

Он, радостно облизывая кровотокающую губу, ходил в ощущении, что доказал всем, что тоже сильный и с ним нужно считаться. Продолжалось это ровно три дня. Когда учительница по математике раздала проверенные контрольные с проставленными оценками, по выражению лиц двух своих одноклассников он понял, что радовался рано.

Их было двое. Нельзя сказать, что они были большими друзьями, но во всем, что касалось его, они всегда были вместе. Они всегда вдвоем издевались над ним – приставали, пугали, угрожали, с улыбкой отмечая следы страха и испуга на его лице, вкрадчиво шептали и, улыбаясь, показывали кулаки. Именно они избили его в тот день так, что прохожие на улице оборачивались на него, когда он брел домой из школы.

Так его никогда не били в жизни, он даже не знал, что существует такая боль. Уже когда он вошел домой и посмотрел в зеркало, он увидел, что левая сторона его лица представляла из себя калейдоскопичную мешанину цветов, полную гамму от черно-фиолетового до ярко-синего.

Эта гамма, видоизменяясь в сторону желтого и желто-зеленого, радовала взгляды его одноклассников еще полторы недели. Потом его избили опять. Теперь мучители стали изобретательней, их моральный прессинг стал намного сильнее и изощренней, и к концу уроков, когда он уже знал, что сейчас его поведут бить, он еле передвигал ногами.

Он просто боялся, ужасно боялся. Внутри разворачивался какой-то скользкий липкий червяк, и ему приходилось поминутно сглатывать слюну, фактически он лишался сил намного раньше того, как его начинали бить. Его больше не били так сильно, но боль уже мало что значила по сравнению с тем унижением и стыдом, которые он испытывал.

Сначала над ним смеялись, на него показывали пальцами, а девчонки хихикали, сбившись в кучку, а он каждое утро молча заходил в класс и садился на свою первую парту около окна. Каждый день он будто в очередной раз поднимался на эшафот.

Трудно сказать, откуда он взял силы что-то изменить. Да, безусловно, прочтение книги про Павку Корчагина и то, «как закалялась сталь» оказало на него очень сильное влияние. В своих мечтах он закрывал глаза и представлял, как от его ответного удара обидчики валятся с ног – и одновременно где-то на периферии сознания понимал, что ничего такого конечно же не произойдет. Нужно было взглянуть правде в лицо, он не то что не умел драться, а даже не мог толком дать сдачи.

Но вместе с тем моральное удовлетворение, которое он испытал, ударив кулаком в челюсть одного из своих мучителей, и удивленное выражение, мелькнувшее на секунду в его глазах, было настолько сильным, что он понял – отныне и впредь он всегда станет отвечать ударом на удар. Хотя и ударами это толком нельзя было назвать.

Он не знал, что именно он делал неправильно, но ему некого было спросить. Но он все-таки бил, борясь с липким чувством страха и безысходности, порой с тоской осознавая, что если бы он безропотно сносил побои, то и его били бы не так сильно.

Он отлепил лоб от прохладного стекла и задумался, делать было абсолютно нечего. Летние каникулы наступили неделю назад. Позавчера его приятель Славик отпраздновал день рождения, совпадающий с днем пограничника, они съели торт, выслушивая дежурные шутки Славикова деда о том, что «скоро, внук, пойдешь служить на границу» и он смущенно отдал свой подарок – склеенную и раскрашенную модель пластмассового самолета, любовно

собиравшуюся им почти две недели из набора, привезенного отцом из Москвы. Папа рассказал, что с трудом нашел ее и купил в «Детском мире».

Он не знал, что такое «Детский мир», но иногда мечтал о том, что однажды окажется там и сможет купить себе все модели самолетов производства ГДР, и их будет столько, что он сможет клеить их целый год, не выходя из комнаты и не думая о том, чем заняться вечером.

Дома всегда было много книг. Он прочел их все еще к пятому классу, даже те, которые мама прятала от него. Многие по два или три раза. Он прочел все книги, обозначенные в школьном учебнике в качестве чтения на это лето еще два года назад. Он читал запоем, много и быстро, и однажды его даже заставили рассказывать краткое содержание прочитанного, когда он за три часа пребывания в читальном зале Детской библиотеки взял четвертую по счету книгу. И он, краснея и слегка заикаясь, пересказал содержание удивленной библиотекарше.

Славик уехал за город на все лето, и он знал, что наступившие каникулы будут опять пустыми и бессмысленными. Так было всегда. Он криво улыбнулся, услышав как во дворе кого-то зовут с балкона – «домой!», и подумал о том, что его самого никогда не загоняли с улицы таким способом. Наоборот, ему приходилось выкручиваться и придумывать очередную нелепую причину того, почему он не хочет сходить погулять во двор.

Все было плохо и нескладно в его жизни. А сейчас то, что ему вдобавок ко всему было 13 лет, делало ее еще более неудачной.

От размышлений его оторвала бабушка. Иногда он думал, что она единственная любит его, и отгонял эти мысли. Он знал, что родители любят его, он понимал, что у них есть работа и множество важных дел, он видел, как они гордятся, когда он приносил домой табель с отличными отметками и каждый год традиционную грамоту. Грамот скопилось уже семь штук. Седьмую он принес домой неделю назад, и мама любовно вложила ее в большой толстый альбом. Пока ему было далеко до количества грамот, уже накопленных в альбоме. Там лежали грамоты мамы, папы, многочисленных дядей и тетей, так что даже диплом, гордо сообщавший о том, что он получил третий разряд по шашкам, не менял общей картины.

Взглянув на него, бабушка радостно сообщила, что дома нет хлеба и попросила его сбежать в магазин. Со вздохом он подумал, что она нашла безотказную причину выгнать его из дома на улицу и, повинувшись неизбежному, засунул в карман мятую трешку.

– Знаю, знаю, кирпич белого за 32 копейки, если будет, если нет, то кирпич за 30 коп. и половинку черного, – машинально скороговоркой пробормотал он и захлопнул за собой дверь.

Ключ от квартиры болтался на веревочке у него на шее и он на удивление радостно, моментально забыв о недавних грустных раздумьях, вприпрыжку помчался в Универсам. Универсам находился недалеко от дома, а немного наискосок от него располагался городской интернат № 6 для слабослышащих, который он машинально обогнул стороной, потому что его пару раз подловили в тенистом и заросшем дворике интерната и отняли все имевшиеся деньги. Кем были в тот раз его обидчики он не знал, скорее всего слабослышащие хулиганы, но для него это не имело никакого значения.

Всего два года назад в Москве прошла Олимпиада 80-го года, и каждый поход в Универсам вселял в него надежду получить на сдачу один из юбилейных олимпийских рублей. Всего их было выпущено шесть, и пять он уже собрал. То, что у него в кармане было целых три рубля, означало, что он сможет попросить кассиршу дать сдачу «металлическими рублями». Он даже разработал свою тактику – перед тем, как занять очередь в одну из 16-ти касс, он проходил вдоль всего ряда и старался рассмотреть, в какой из них в специальном отделении лежит максимальное количество металлических рублей.

Ему не так часто везло – вот наиболее распространенных юбилейных рублей с профилем Ленина у него было более десяти, а олимпийские рубли были куда дефицитней. Среди них тоже были часто встречающиеся и увы, редкие, которые сложно было найти. Но все-таки он за два года смог собрать целых пять олимпийских рублей. Это было модно, собирать олимпийские рубли, и, насколько он знал, ни у кого из его знакомых не было полного комплекта.

Сначала он не поверил своим глазам, когда кассирша, улыбнувшись его просьбе, положила перед ним несколько металлических рублей. Ленин, еще Ленин, затем один из наиболее распространенных олимпийских со стилизованным изображением Кремля и пятью олимпийскими кольцами снизу, и ОН, тот самый недостающий рубль. Продащица удивленно посмотрела на него, когда он судорожно схватил рубль и, чуть не забыв остальные полтора рубля сдачи, устремился к выходу.

В мыслях он уже предвкушал тот момент, когда разложит все рубли рядом, как он похвастается отцу тем, что смог собрать полный комплект – и даже не положил рубль в карман. Он боялся его потерять и настолько хотел попасть домой, что опрометью мчался кратчайшей дорогой. На секунду он задумался о том, бежать ли через садик интерната и обдумав все «за и против» решил промчаться наперерез.

В тот момент он мало что соображал от радости и счастья, которые переполняли его.

Он уже перешел на шаг, качая зажатой в руке авоськой с хлебом, и в это самое мгновение услышал ленивое «Стоять». Он моментально остановился, будто ударившись грудью и внезапно выросшую перед ним стену.

Мысль о том, что можно и нужно убежать проскользнула в его сознании, но улетучилась, ноги налились свинцом, в желудок упал какой-то ком и он мысленно выругался. Мир вокруг поменял свои очертания, и в висках застучали маленькие молоточки. Он медленно обернулся.

Их было трое. Он никогда не видел их до этого. Они сидели в беседке, которая настолько густо заросла листвой, что их практически не было видно со стороны. Но сейчас они были совсем рядом и выглядели так, что липкий страх против его воли фактически парализовал его. Он не знал, что именно написано на его лице, но видимо, выглядел он забавно, потому что все трое засмеялись.

Один из них встал и лениво подошел к нему. Он был на голову выше, в правой руке у него была зажата сигарета, а в левой он держал велосипедную цепь, которой похлопывал себя по ноге.

– Кого знаешь? – последовал стандартный вопрос. Этот вопрос всегда был частью ритуала и ему доводилось слышать этот вопрос множество раз. Он подозревал, что если он хоть однажды перечислит все известные ему дворовые клички школьных хулиганов, а также их друзей, ушедших после окончания 8-го класса в ПТУ и техникумы, его может быть и не тронут. Но он боялся. Он не знал, как нужно отвечать и подозревал, что если кто-то из названных им персонажей узнает о такого рода ссылках, то последствия могут оказаться еще хуже.

Поэтому он молчал, тоскливо поглядывая в сторону дома, и коря себя за то, что не переложил драгоценный рубль из потного кулака в носок. Может быть, в сандалете его бы не нашли?

Велосипедная цепь в руках подошедшего к нему приковала его внимание. Она свивалась в отблескивающие на солнце, проникавшем в тенистую часть сада, кольца и плавно и методично с нежным перезвоном ударялась о ногу ожидавшего его ответа лидера остановившей его тройцы.

– Что молчишь? – загоготал парень, которого поддержали двое его приятелей.

Он молчал. Он не знал, что говорить и боялся посмотреть в глаза вопрошавшему. Как загнипнотизированный он уставился на велосипедную цепь, и ее ленивые скручивания и раскручивания свидетельствовали о заключающихся в этих звеньях скрытой силе. На кисти, небрежно державшей цепь, в углублении между большим и указательным пальцем была стандартная наколка – изображение цифры пять на игральной кости – квадрат из четырех точек и пятая в центре. Он не знал, что изображает этот символ, но слышал о том, что его накалывают те, кто были в детских колониях. И в его классе многие рисовали эти точки с помощью шариковой ручки.

Сейчас, когда он уставился на них, ему хотелось стать маленьким и незаметным, к горлу подступил комок, но он знал, что стоит сейчас заплакать, и будет только хуже, поэтому он стоял и молчал, отгоняя мысли о бабушке, ожидающей хлеб, о таком надежном доме, о любимых книгах. Все написанное в них ничего не значило здесь и сейчас.

И эти мысли только делали все намного хуже, потому что ему было сложнее и сложнее сопротивляться искушению разреветься и униженно просить отпустить его.

– Деньги давай, – последовало неизбежное и неотвратимое продолжение, и он понял, что полная коллекция олимпийских рублей у него просуществовала недолго.

Он опять представил, как он раскладывает все шесть кругляшей рядом на ковре, подумал о том, как это было бы здорово и интересно – рассматривать их все вместе, и, под влиянием какого-то необъяснимого момента, преследуемый пульсирующим стуком в ушах, вдруг поднял голову и посмотрел парню с цепью прямо в глаза.

– Не дам.

Ему показалось, что он произнес это громко и отчетливо, со стороны наверное, это звучало лепетом ребенка, выронившего изо рта соску, но он не услышал своих слов. Почему-то он подумал, что вообще ничего не сказал, но по реакции двух остальных, удивленно пригласивших со скамейки, и первого – с цепью – растянувшего губы в тупой улыбке, он понял, что все-таки произнес эти слова. Произнес вслух и произнес громко.

– Оборзел, сука? – услышал он и практически сразу ощутил резкую боль в ноге, по которой пришелся удар цепью и, перестав от боли соображать, сжал рубль в кулаке так, что почувствовал, как его грани больно врезались в ладонь, и ударил со всей силы в пляшущее перед глазами размытое пятно – ненавистное лицо носителя цепи. Он даже не понял, попал он или не попал.

Это было уже неважно, потому что в следующее мгновение мир у него в голове раскололся от такой боли, которую он никогда раньше не ощущал. Даже тогда, когда он свалился во втором классе с забора и сломал руку, боль была менее сильной. Окружающий мир закрутился у него перед глазами, и когда мельтешение прекратилось, он обнаружил себя сидящим на корточках, рот был наполнен чем-то соленым и ему показалось, что он задыхается. Дышать было нечем, он закашлялся – и сплюнул кровью. Язык ощутил что-то острое во рту и он понял, что ему сломали зуб. Он сплюнул еще раз – и увидел мелькнувший в красноте белый кусочек. Мир вдруг сузился до размеров этого белого обломка, он забыл обо всем – о рубле, которого уже не ощущал в своей руке, об окружающих его подонках, – осталась только одна мысль о том, что надо забрать этот белый кусочек и сохранить. Он протянул вперед руку и почему-то удивился тому, что костяшки были разбиты и кровоточили, и попытался подобрать кусочек зуба. С первой попытки у него не получилось, в ушах по-прежнему стучала кровь, а второй попытки ему не дали. Подсознанием он подумал о том, что наверное его ударили ногой в живот, но сил поднять голову и посмотреть у него не было, он почему-то знал, что если он сейчас отведет глаза от белого пятнышка, то потеряет его из виду и никогда больше не увидит, не найдет, и боролся с искушением закрыть глаза и свалиться на землю.

А потом что-то произошло.

Сначала он не понял, что именно изменилось. Какие-то звуки прошелестели на грани его сознания, что-то хрустнуло, прошуршало, как будто яблоко упало с веток на землю. «Откуда тут яблоки», – мелькнула мысль, и он попытался опять подобрать белое пятнышко с земли. Но его уже не было перед глазами, на зеленой траве остались только какие-то красные сгустки и пятна, и он встряхнул головой. И вдруг он ощутил, как его кто-то потрепал по плечу. Он с трудом поднял голову, сразу отозвавшуюся тупой болью и увидел незнакомое лицо. Перед ним на корточках сидел какой-то пацан, по виду ровесник или даже на год младше него, довольно тощей комплекции. Увидев, что он поднял голову, пацан улыбнулся и почему-то эта улыбка успокоила его.

– Ты кто? – машинально спросил он, чувствуя, что все его тело болит и язык с трудом ворочается во рту.

Пацан улыбнулся, лицо его было покрыто веснушками, и он впервые обратил внимание на его немного раскосые глаза.

– Меня зовут Пак.

Так он познакомился с «Корейцем».

Глава 2

– Пак? – невольно переспросил он. Собственный голос показался ему незнакомым, он закашлялся и встряхнул головой. Мир по-прежнему немного крутился вокруг него – и ему показалось на мгновение, что все это происходит не с ним. Слишком неправдоподобным казалось происходящее, как будто он смотрел на себя со стороны.

– Ага. Пак. Это фамилия. Впрочем, друзья называют меня Кореец, да и мне, честно говоря, так больше нравится, – ответил пацан. – Потом расскажу подробней. Ты как, нормально? – спросил Кореец и улыбнулся еще раз.

Он молчал. Ситуация все так же оставалась непонятной, как если бы в его старом калейдоскопе, в который он любил смотреть, перещелкнулись картинки, – новая картинка была ясной и отчетливой, но связи с предыдущей не наблюдалось.

Он скосил глаза вниз и обнаружил, что полулежит, не так давно белая майка перепачкалась в земле, штаны были заляпаны зелеными потеками от травы, и он сразу подумал о том, что отстирать их будет непросто. Он почему-то не сразу увидел кровь, ее было не очень-то и много, но майка была перепачкана ею даже сильнее, чем землей. В крови была испачкана и веревочка, на которой болтался ключ от квартиры, и почему-то вид этой веревочки сразу напомнил ему бабушку, которая всегда следила за тем, чтобы он не забыл ключ, и на его глаза невольно навернулись слезы. Но он быстро справился с искушением и поборол желание заплакать.

Чтобы мозги окончательно встали на место, он еще раз энергично встряхнул головой.

Похожее ощущение было у него в жизни только раз – головокружение, легкая потеря ориентации в пространстве, и вызвано это было падением с забора, с которого он решил соскочить. И ведь спрыгнул он в целом неплохо, хотя забор был и высоким, если конечно же не считать того, что каблучки ботинок зацепились за железную поперечину, и ноги в результате остались на заборе. Это было классно, валяться в кровати и знать, что все вокруг волнуются и заботятся о тебе... И сломанная рука казалась тогда не очень большой платой за это. Две недели с рукой в гипсе были подарком судьбы, так он тогда считал.

Но сейчас все было иначе.

Кореец наблюдал за ним с интересом и, после того, как беглый осмотр повреждений был завершен, протянул ему руку. Ладонка была узкая и загорелая, но что-то в ней показалось ему странным.

Он схватился за его руку и встал. Ощущение от касания ладони Кореяца было необычным. Ему показалось, что он схватился за доску, которую отполировали наждачной бумагой, чтобы убрать щепки, но не довели работу до конца. Ладонь была прохладной, шершавой и твердой, как древко пионерского знамени в школе, которое ему однажды доверили нести.

Похожее ощущение от касаний у него было не так давно, когда он, накопив денег, купил в магазине модель торпедного катера. К сожалению, довольно быстро выяснилось, что склеивать пластмассовые модели намного проще, и что для работы с деревом требуются какие-то иные навыки, которых у него не было. С торпедным катером у него так и не сложилось, но ощущение от касания грубой древесины, почти не поддающейся полировке, он запомнил.

Кореец стоял рядом и молча смотрел, как он отряхивается. Пак оказался невысокого роста, и, несмотря на то, что он сам с нетерпением ждал момента, когда вырастет и начнет обгонять девочек в классе, но дождаться этого никак не мог и на уроках физкультуры всегда был вторым с конца, Кореец казался еще ниже.

Первая мысль о том, что Кореец младше него, была очевидно ошибочной, его ввел в заблуждение его рост. Наверное, он все-таки постарше меня, – мелькнула мысль, на годик, полтора, лет 15, вряд ли больше.

И тут он вдруг явственно вспомнил о том, что случилось. Кружение в голове прекратилось, о происшедшем напоминало только жжение в расквашенном носу, да ноющая боль в разбитой губе.

– А... а что...? Он не смог сформулировать вопрос, и в этот момент его взгляд упал на лежавшую около ног авоську с хлебом, и он понял, что буханка белого безвозвратно раздавлена. И одновременно он увидел сразу двоих из трех своих обидчиков.

Ударивший его предводитель троицы тонко скулил, практически неслышно, в первый момент ему показалось, что это тихое жужжание шмеля в траве.

Долговязый лежал на боку, сжавшись в клубочек, и сучил ногами, складывалось ощущение, что он старается прокопать своими ботинками землю, от его ног уже проходило две борозды, а второй нелепо сидел рядом на корточках, раскачиваясь и упираясь головой в землю. Красноречивая лужа около лица говорила о том, что его вырвало, но судя по внешнему виду он или физически не мог встать, или же данная задача вообще не рассматривалась им как первоочередная в текущий момент времени.

– А что произошло? – ошарашено спросил он, пораженный открывшейся картиной. Раздавленный хлеб только на мгновение был отмечен его сознанием, находящиеся так близко хулиганы опять заставили комок в желудке скакнуть вверх.

Кореец, до его вопроса внимательно и спокойно смотревший на пострадавших, перевел на него взгляд.

– Я просто оказался поблизости, – ответил Кореец. – Случайно. Прогуливался тут рядом, воздухом дышал, ну и стал невольным свидетелем происходящего. А ты, знаешь ли, молодец, – добавил пацан, глядя куда-то в сторону. Станные и незнакомые нотки прозвучали в голосе Корейца и заставили его наконец-то перевести взгляд с валявшихся на земле на своего нового знакомого.

И вдруг комок в животе внезапно куда-то исчез. Кореец опять улыбался, и его спокойная улыбка почему-то бесповоротно убеждала в том, что все на самом деле закончилось, и уже точно и наверняка не вернется обратно. И что даже если эти двое, непонятно почему оказавшиеся на земле, встанут, то пока рядом будет этот веснушчатый пацан с уверенным и невозмутимым голосом, все останется таким же незыблемо надежным и безопасным.

– Знаешь, – продолжил Кореец, – а я поначалу даже решил, что вмешиваться не придется. Достоин ты держался, хотя и был не очень-то убедителен. Но потом все-таки пришел к выводу, что ты хоть и силен в плодотворной дебютной идее, а вот с дальнейшим развитием у тебя явные недоработки.

Тут они оба расхохотались и, отсмеявшись, Кореец закончил: – Так что я решил немного вмешаться. Знаешь, ты не обижайся, но и начало у тебя было немножко не того, вообще говоря...

– А я в шашки играю, – почему-то сказал он и неловко улыбнулся. После произнесенного слова «дебют» ему почему-то захотелось это упомянуть. – У меня даже третий разряд есть. Уже будучи произнесенной, эта фраза почему-то показалась ему неуместной и смешной.

Но Кореец не поднял его на смех, а пробормотал только что-то вроде «третий разряд это неплохо».

Тут он понял, что до сих пор не назвал своего имени, застенчиво представился и протянул Корейцу руку.

– А, кстати, сколько времени прошло? Ну с того момента, как... Он недоговорил, не зная как сформулировать и закончить вопрос.

– Приятно познакомиться, – ответил Кореец и пожал ему руку в ответ. Ощущение касания недоструганной дощечки опять мелькнуло в сознании.

– А вот часов у меня как раз и нет. Но думаю, что минуты три в общей сложности.

– Три? – поразился он. Ему казалось, что прошло по меньшей мере полчаса, а то и больше, и представить себе, что все эти события уместились в столь краткий промежуток времени он не мог.

– А... а что случилось с этими? – замявшись, он осторожно задал беспокоивший его вопрос и невольно покраснел, ему было неловко спрашивать, но любопытство пересилило: все происходящее, несмотря на то, что мир прекратил наконец-то свое вращение, решительно отказывалось складываться в ясную и понятную картину. Логика происходящего существовала, он ощущал это, но объяснений он не находил.

Кореец хмыкнул и пожал плечами.

– Да ничего особенного. Решил немного усилить твои позиции, поддержать, так сказать, морально. К сожалению, третий смылся. Кросс по пересеченной местности не входил на сегодня в мою программу. Решил, что убежал и убежал, скатертью дорожка. Бегаёт он лучше, чем эти двое дерутся, – добавил Кореец и пренебрежительно сплюнул.

Следующий вопрос крутился у него на языке, но он не сразу решился его задать. Почему-то вопрос отказывался формулироваться.

– И ты, – он опять смутился, но все-таки решился спросить, – смог за пару минут справиться с этими вот? – он не смог подобрать нужного слова и просто кивнул в сторону парней.

– За пару минут? – переспросил Пак и улыбнулся. – Ну не совсем. Вообще-то за пару минут нельзя ни с кем справиться. Это очень сложно и долго. И получится в результате как с тобой. Повалят, а с земли потом и не встанешь. Так что не за пару минут. Думаю, что секунды за три – четыре. Ну, может пять. Четыре вдоха-выдоха, – добавил Кореец не вполне понятную фразу и подошел к валявшейся на земле парочке.

– И вообще запомни, – добавил пацан через плечо, – любой нормальный бой длится недолго. Это только избивать могут часами. Пригодится на будущее, да и вообще в жизни.

– Эй, пацаны, а вы кого знаете? – весело спросил лежавших Кореец и засмеялся, а затем что-то подобрал с земли. Ответа не последовало, только первый перестал наконец поскуливать и жужжание шмеля прекратилось.

Потом Кореец вернулся, отшвырнув носком сандалии цепь, валявшуюся на земле.

– Жаль, велосипеда нет, взял бы про запас, – задумчиво и почему-то смущенно произнес Пак с кажущейся грустью, и это было так смешно, что он снова не смог удержаться от смеха.

Смеялся он долго, смешным и комичным сейчас казалось все, и озабоченный вид Кореяца, пожаловавшегося на отсутствие велосипеда, и его вопрос хулиганам, до этого всегда звучавший тревожной музыкой в его голове, и то, что этот небольшой веснушчатый парень с деревянной на ощупь ладошкой знал слова «дебютная идея», и от того, что его просто переполняла безграничная радость, которую не могло омрачить в данный момент ничто, ни раздавленный хлеб, ни испачканная землей и заляпанная кровью майка. Он даже забыл о том, что совсем недавно валялся на траве и безуспешно пытался найти кусочек своего зуба. Вспомнив об этом, он невольно провел языком по зубам.

– Кстати, ты там шарил на земле, – спросил Пак, – не это искал? На его ладони лежал олимпийский рубль, немного испачканный, но все такой же новенький и сверкающий.

– Да нет, – улыбнулся он. – Это так... монеты коллекционирую, а ты не собираешь?

– Не-а, не собираю, думаешь, стоит начать?

Второй день лета клонился к вечеру, легкий ветерок шелестел листвой во дворе интерната № 6 для слабослышащих.

Впереди было три месяца каникул, и почему-то он твердо знал, что эти месяцы не будут скучными и однообразными.

Глава 3

– Ты бы не мог научить меня драться?

Чтобы произнести этот вопрос он долго собирался с духом, несколько раз даже нерешительно облизнул губы, и, когда все-таки спросил, почему-то виновато отвел глаза в сторону. Ему было страшновато посмотреть на Корейца в этот момент, но потом он все же взглянул ему в глаза.

– А ты не очень-то популярен у себя в районе, да? – с непонятым выражением на лице ответил вопросом на вопрос Пак. Кореец внимательно смотрел на него, и, казалось, отлично знал обо всем. Обо всем, что происходит в его жизни и в его голове.

– Мы знакомы уже неделю, – продолжал Кореец, покусывая травинку, и я рад, что мы встретились тогда, в саду. С тобой интересно. Я думаю, ты за свою жизнь уже прочитал больше книг, чем мне удастся за всю мою оставшуюся... Может быть, ты хочешь казаться лучше, чем ты есть?

– Я просто хочу иметь право быть тем, кто я есть, – ответил он упрямо. И хочу уметь защищать то, что у меня есть. Пусть это будут всего лишь книги, которые я прочитал. Я не хочу решать контрольную, и думать о том, что я должен ее решить еще для кого-то, причем не для того, чтобы помочь друзьям, а чтобы избежать очередного унижения и издевательства. Он вдохнул воздух и продолжил:

– Не хочу больше заходить в класс и ждать, как в меня полетят в очередной раз шарики из жеваной бумаги, а на стул положат очередную кнопку. Да и ладно бы только это. Он отвернулся в сторону и замолчал.

Небо темнело, и ветер шевелил листвою. Жаркий день заканчивался, и ощутимо повеяло прохладой. Может быть от того, что смеркалось, и лицо Корейца становилось все менее и менее отчетливым в подступавшей темноте, ему вдруг стало легче говорить о всем том, о чем он не хотел думать и сначала боялся вспоминать в этот спокойный и тихий вечер.

Остановиться он не мог.

– Я не хочу, чтобы надо мной смеялись, – твердо сказал он. – Надо мной все смеются. Все. И потому, что я не могу дать сдачи, из-за того, что я самый маленький по росту, из-за того, что я краснею, когда волнуюсь. Я во втором и третьем классе заикался даже от волнения... Логопед сказал, что это от того, что я очень много читаю, и мозги усваивают информацию слишком быстро, намного быстрее, чем я разговариваю. Можешь себе представить, как я отвечал у доски?

Он криво усмехнулся своим воспоминаниям.

– Я даже подтянуться не могу ни разу на турнике, а наш физрук затеял каждый месяц соревнования, кто больше подтянется. Я даже освобождение от физкультуры брал, но ведь разве угадаешь, на каком уроке это произойдет?

Кореец молчал и слушал, его лицо казалось непроницаемым в сгустившемся сумраке или было уже слишком темно для того, чтобы прочесть какие-то эмоции на его лице, а может быть стыд и подступившие к глазам слезы мешали ему разобрать реакцию на свои слова.

– Когда я что-то делаю лучше всех, – учусь, решаю контрольные или пишу сочинения, все, ты понимаешь, все, – он почти сорвался на крик, – воспринимают это как должное. Это нормально, так и должно быть. Никто не считает, что я в чем-то лучший. А стоит мне не суметь сделать что-нибудь, и на меня показывают пальцем и смеются. Мне не надо уже никакого уважения, мне нужно только уметь делать то, что все умеют.

Ему показалось, что он выдохся. Он чувствовал опустошенность, но с другой стороны казалось, что ему стало легче от того, что выговорился, ведь он даже забыл на какое-то мгновение свою просьбу, с которой и начался этот разговор.

– Ни разу подтянуться на турнике не можешь, это ты серьезно? – спросил Кореец сосредоточенным тоном, – и почему-то он невольно засмеялся ему в ответ. Кореец тоже улыбнулся, и сейчас вдруг стало отчетливо видно выражение его глаз. Глаза не смеялись, а смотрели заинтересованно и даже несколько отстраненно, будто Кореец был погружен в собственные мысли.

Затем Кореец внезапно заинтересованно спросил:

– А что, если ты научишься делать и все остальное лучше всех? Вдруг и это станут воспринимать как нечто само собой разумеющееся, об этом ты не думал? Не начнут тебя уважать, и восхищаться тобой не будут? Тоже воспримут как должное?

Он криво усмехнулся.

– Не станут и не нужно. Зато я смогу защитить себя. И то, что мне важно и нужно. И своих друзей. Впрочем...

Он замялся.

– Друзей у меня на самом деле и нет. Приятели. Я даже за партой один сижу. Пересели на первую парту, зрение стало портиться. А постоянно в очках ходить я не могу. Только меня одного из всех, ну из тех, кто в очках, и дразнили очкариком.

– Но вообще ладно. Это все чепуха, – продолжил он. Очков у меня одна пара, еще попробуй найди нормальную оправу, ты бы меня видел в очках. А ту, что мама мне купила, повредили немного. Дужка треснула – поэтому в них особо не походишь, – и он улыбнулся.

Улыбнулся и вспомнил, как он переживал из-за того, что ему сломали оправу, просто так, от нечего делать, как он вспомнил тогда, как мама принесла ему очки и смешной очешник синего цвета, и как, вспомнив это, он, не удержавшись, заревел, чем доставил еще несколько приятных минут одноклассникам. Им было просто приятно и смешно. Забавно и весело унижать и издеваться над ним.

– А одноклассники... Знаешь, их всего двое. Основных. Тех, которые постоянно ко мне лезут. И ты знаешь, я их на самом деле боюсь. Три месяца назад, в нашем школьном дворе, – один взял маленького котенка и убил его. Схватил за лапы и ударил о стену. Можешь себе представить?

Все веселье куда-то делось, продолжать разговор он не мог. Почему-то воспоминания очень живо всплыли в памяти и как-то одно наложилось на другое, и он вспомнил то тягостное ощущение, которое было тогда, когда он стоял у окна и смотрел вниз, во двор – совсем недавно, в тот день, когда он познакомился с Корейцем.

Как будто не было ничего в промежутке. И хотя оставалось еще почти три целых месяца каникул, от мысли, что 1 сентября нужно будет опять идти в ненавистную школу и вновь заходить в класс, он невольно поежился.

Он вспомнил, как огорчился, когда узнал, что Кореец приехал в город погостить, и к концу лета уедет обратно в свой город, и как подумал в тот момент, что все хорошее неизбежно заканчивается. И чем больше было хорошего, тем раньше это закончится, и тем больней будет в этот момент.

Он настолько погрузился в свои безрадостные мысли, что ощутил, как в воздухе повисло молчание только тогда, когда Кореец потрепал его одобряюще по плечу и сказал:

– Я тебя научу. Не то, чтобы я сам много что умел, да и времени у нас с тобой немного... Но не в шашки же с тобой играть – тут мне ловить, как я понял, нечего.

Кореец протянул ему свою руку – и они обменялись рукопожатием. Они посидели на скамейке еще некоторое время и когда бабушка позвала его с балкона, он с удивлением понял, что не прочел за эти дни ни одной книги и что, пожалуй, впервые в жизни он не хочет уходить с улицы, и что его, именно его зовут сейчас домой, крича с балкона.

Глава 4

Утром он проснулся под звон будильника, на мгновение подумал, что надо вставать в школу и машинально натянул одеяло повыше и зарылся головой в подушку поглубже. Но потом он вдруг вспомнил все, и жизнь сразу заиграла красками, и сон моментально улетучился. Когда он вскочил с кровати, словно подброшенный пружиной, он уже мысленно был там – рядом с Корейцем, который, как он был убежден, сможет научить его паре хитроумных приемов, которые конечно же позволят ему эффектно расправляться со своими противниками.

Взбудораженный, он выпил чашку чая и, привычно отказавшись от завтрака и не слушая протестов бабушки, помчался, прыгая через две ступеньки, во двор.

Кореец уже сидел на лавочке около подъезда и задумчиво чертил палочкой на земле какие-то окружности и многоугольники. Заметив его появление, он встал, улыбнулся и спросил:

– Ну что, вперед и с песней? Пробежимся немного, – и они побежали трусцой.

– Что посоветуешь – где тут у вас спокойное и тихое место, чтобы можно было позаниматься и никто бы не отвлекал?

С некоторым замешательством и уже немного запыхавшись и перебрав в голове возможные варианты, он нерешительно ответил:

– Думаю, около школы сейчас самое спокойное место. В школьном дворе, – уточнил он после секундной паузы. – Сейчас, я думаю, там пустынно, летом же к школе силой никого не заманишь.

– Ну, что ж, взглянем на твою школу, – пробормотал Кореец, и они продолжили бежать в нужном направлении.

Школьный двор действительно был пустынен, столь ненавистное ему пространство в саду за школой выглядело мирно и спокойно: лавочка, немного покосившийся турник и буйная зелень листвы.

– Ну что, ты научишь меня приемам? – нетерпеливо спросил он, немного отдышавшись, пот начал стекать по его лбу, хотя еще не было жарко.

Кореец, казалось, явно не разделял его энтузиазма.

– Если ты думаешь, что за один день научишься всему, то можешь сразу идти обратно домой и читать свои книжки дальше, – ответил он, подойдя к дереву, и зачем-то поковырял пальцем кору на стволе. Говорил Кореец немного мрачным голосом и выглядел как-то жестко и угрюмо.

– Давай договоримся с тобой сразу, когда мы тренируемся – мы тренируемся. Никакого веселья и игр. Запомни – твердо запомни – одну вещь: просто так научиться чему-либо нельзя.

– Я конечно постараюсь тебе многое объяснить и показать, но добиться результатов ты сможешь только сам. И доказывать что-либо ты должен будешь не мне – не своим друзьям – приятелям, а в первую очередь себе. Именно себя ты должен будешь научиться побеждать.

– Все, что я смогу сделать, – продолжил Кореец, – это просто указать тебе правильную дорогу, путь – на котором ты сделаешь меньше ошибок. Я сам знаю далеко не все, все знать и уметь просто невозможно, но это и не требуется. И это тебе нужно твердо уяснить. Все понял?

Кореец продолжал говорить незнакомым жестким голосом, – и вдруг ему показалось, что Кореец просто не хочет его ничему учить. Ему жалко научить его тем приемам – с помощью которых он разбросал тех хулиганов в школе-интернате – или же он просто не верит в

то, что его – такого слабака – вообще можно чему-то научить. Наверное, он просто передумал за ночь – закралась мысль – и ему стало тоскливо и одиноко.

– Сколько обычно человек тебя бьют – двое – трое? – неожиданно спросил Кореец.

– Двое, – ответил он, не поднимая глаз. Двое.

– Нехорошо, – сказал Кореец задумчиво. – Двое на одного, – он хмыкнул.

– Давай, соберись. У тебя получится. Может получится. Но помни: занятия – это занятия. Никакой расслабухи. Времени у нас мало, а что ты из себя представляешь – еще пока неизвестно. Начинать всегда трудно – и еще. Всегда смотри в глаза. Запомнил? И другу и врагу.

Он поднял глаза и посмотрел на Корейца:

– Запомнил. И я докажу, что что-то из себя представляю, – сказал он твердо, не отводя глаза в сторону.

– Ну вот и отлично, Бро, – произнес Кореец непонятное слово.

– А что такое «Бро»? – переспросил он в замешательстве.

– А это обращение такое. Сокращение от «Бразер» по-английски. Брат значит. Уяснил? Ты какой язык в школе-то учишь?

– Английский, – ответил он, – но училка у нас не очень. Сокращениям всяким не учит, не особо у меня с английским. Пятерки ставят – но...

– Ладно, хватит про пятерки. По физкультуре у тебя тоже видимо, пятерки – раз в отличники выбился.

Он ничего не ответил – сознание того, что его назвали братом произвело на него какой-то странный эффект – он был и рад и горд – и казалось, вели ему сейчас Кореец ударить со всей силы в бетонную стену – он бы сделал это, и доказал бы, что может оправдать доверие. Как много раз в жизни он мечтал, чтобы у него был старший брат, который был бы рядом и мог бы его защитить.

Но брата у него не было.

– Значит так. Уясни себе одну вещь, – сказал Кореец. – Когда ты видишь, что избежать драки не удастся – выбрось из головы свои книги и все остальное. Желательно выбросить из головы вообще все, если получится. У тебя, боюсь, не получится, но стремиться к этому нужно. Не думай ни о хорошем, ни о плохом, постарайся сосредоточиться только на оценке ситуации. Понятно?

– Нет, совсем непонятно, – ответил он. – Что значит оценка ситуации? Что конкретно надо оценивать и как?

– А оценивать нужно вот что. Покажем на примере. Ударь меня кулаком в живот, – Кореец улыбнулся и поднял руки вверх – видимо, для того, чтобы ему проще было попасть в живот, – да не стесняйся, сожми кулак и бей.

Он решил не переспрашивать и действительно попытался выбросить все мысли из головы. Это было очень непохоже на все ситуации, в которых ему доводилось бывать ранее.

До этого всегда у него в ушах стучали молоточки – и что-то липкое копошилось в желудке – сейчас же все казалось каким-то обычным и будничным – и сама мысль о том, что нужно ударить Корейца в живот показалась ему какой-то нелепой. Что в этой ситуации можно было оценить – кроме того, что это все было глупо – он не понял и поэтому, сжав кулак, ударил Корейца в живот.

Ощущения в кулаке были странными – он не решился ударить в полную силу, но все равно ему показалось, что он ударил не в мягкий живот, а во что-то твердое и жесткое – и это ощущение было незнакомым и непривычным. До этого он всегда старался ударить своих обидчиков по лицу – потому что и его всегда били по лицу – по крайней мере сначала, до того, как он падал на землю – и в те редкие моменты, когда ему действительно удавалось попасть, он не ощущал практически ничего.

– Плохо ты оценил ситуацию, – сказал непонятно Кореец и добавил, – показываю на примере.

Что сделал Кореец, он не успел увидеть. Что-то произошло, и он ощутил, что ему нечем дышать. Казалось, что на него упало дерево – или что-то такое же большое и жесткое, как будто его ударили доской или металлическим рельсом – это неуловимо промелькнуло у него в мозгу в тот самый момент, как он оказался на земле. Дышать было по-прежнему нечем, и только спустя показавшиеся вечностью мгновения он смог закашляться и почувствовал, как свежий и удивительно вкусный воздух вновь поступает в легкие. Хорошо, что не позавтракал, – промелькнула и пропала мысль.

– Сейчас и на будущее – не обижайся, – откуда-то издалека до его сознания донесся голос Корейца. Он слышал его, как будто уши у него были заткнуты ватой – слова доносились невнятно и как-то издалека.

– Многое можно объяснить только на примере, так что ты привыкай понемногу.

В голосе Корейца не было издевки, казалось, это действительно был старший брат, и от этой мысли ему стало легче.

– Пока ты не научишься оценивать ситуацию автоматически, машинально, а этого возможно добиться только постоянной практикой – с чем у тебя пока явные проблемы, ты должен оценивать следующее: количество своих противников и их расположение относительно себя, их перемещения и удары – и, одну из самых основных вещей – это вдохи и выдохи.

Ему показалось, что он уже слышал что-то про «вдохи – выдохи», но не смог вспомнить что именно, и поэтому продолжал слушать, каждое слово казалось ему откровением и ключом к решению какой-то очень важной загадки или тайны, что-то типа пиратской карты, указывающей путь к древним сокровищам.

– Любой удар должен достигать своей цели в тот момент, когда твой противник собирается делать вдох. Когда он только что выдохнул – и в его легких осталось совсем немного воздуха. Дышать правильно мало кто умеет, задерживать воздух в себе и соразмерять вдох и выдох с ударами сердца – тоже.

– Ты должен научиться оценивать момент твоего удара таким образом, чтобы наносить его в тот момент, когда ты сам выдыхаешь – и удар должен достигать цели в тот момент, когда противник делает вдох и в его легких совсем мало кислорода.

Это не так сложно – если ты еще до того, как рядом с тобой начнут махать кулаками, сможешь установить ритм дыхания таким образом, чтобы твой выдох приходился на чужой вдох – половина дела сделана. Но, конечно, если противников несколько – тебе будет посложней. Но, – запомни, – это все важно до тех пор, пока мы говорим о самом первом ударе – потом все меняется.

– Что именно меняется? – спросил он, чувствуя, что мало что понимает из слов Корейца.

Тот улыбнулся. – Ну-ка, расскажи мне, как обычно происходят у вас побоища, посвященные контрольным по математике? Кореец огляделся по сторонам.

– Я так понимаю, это все тут и происходит?

Он смутился. Он почувствовал, как у него покраснели уши и щеки – и понял, что не сможет выдать из себя ни одного слова. Но ему и не пришлось ничего говорить, потому что Кореец продолжал:

– Возьмем тех ребят, «велосипедистов». – Ну, которые хотели отнять у тебя рубль. Что ты сделал?

– Что? – переспросил он в замешательстве.

– Ударил первым. В той ситуации это было абсолютно правильным решением. Ты даже попал ему в физиономию, чем знаешь ли сильно его удивил, но потом? Что ты сделал потом?

Ничего. Ты просто стоял и ждал. Ты что, думал, что он повалится на землю от боли, и восхищенные зрители захлопают в ладоши? И что его дружки с перепугу разбегутся?

– Нет, – буркнул он. – Ничего я не ждал. Я не знал, что делать дальше.

– Верно. Ты просто не знал, что делать дальше. И я подозреваю, что та же картина наблюдается и в вашем школьном дворе. Ты ударил, тебя ударили. Примерно раз в пять минут. Так или не так?

– Так, – ответил он. Он не отводил глаз от Корейца и слушал, что тот говорит ему и почему-то свое поведение – которым он так гордился: дать сдачи и ощутить, что никто не может тебя безнаказанно бить – начинало казаться ему глупым. Он понимал, что что-то делал неправильно раньше, и жадно слушал каждое слово. Он знал, что не забудет ничего из сказанного – и сможет прокрутить в памяти снова и снова еще не один раз.

– Запомни главную и основную вещь, – сказал Кореец, – возможно, кто-нибудь скажет или подумает, что это не главное и не основное, боксер какой-нибудь, – в его голосе проскользнули нотки пренебрежительности, а возможно их там и не было – и ему просто показалось, – но меня так учили и именно поэтому заруби это себе на носу.

Он затаил дыхание и старался не пропустить не слова, он перестал слышать чирикание воробьев и бибикание машин на улице неподалеку и в какой-то момент даже пожалел, что не может все записать на бумагу – «вот ботаник» – подумал он про себя с досадой и весь обратился в слух, чтобы не пропустить эту самую «главную и основную» вещь.

Глава 5

– Так вот, – продолжил Кореец, после того, как ты ударил в первый раз – ты не должен стоять и гордиться результатом. После этого тебе необходимо закончить серию, которая начинается в момент твоего первого удара и заканчивается в тот момент, когда ты, выдохнув в момент первого удара, еще раз вдохнешь и выдохнешь. За это время ты должен успеть ударить не менее 3 раз.

Времени на изучение результатов нет, завершая эту серию ты должен быть уверен в двух вещах: во-первых, в том, что в ближайшую минуту этот противник не сможет причинить тебе вред. Вторая – еще более важная вещь – видеть всех остальных противников, сколько бы их ни было. И быть готовым ко всему, что они могут сделать или уже делают. Усек?

– В теории да, – нерешительно ответил он. А что если они набросятся кучей все сразу? – на всякий случай поинтересовался он, на самом деле мало что понимая из-за неспособности переработать весь объем информации, вывалившейся на него.

– Ну, хорошо, – ответил Кореец. Немного теории – из того, что любят рассказывать в перерывах между занятиями... Вот ты подумай хорошенько и ответь, как ты думаешь. Представь, человек серьезно подготовлен. Боец, тренировался и тренируется постоянно и регулярно – справится он с таким же, как он? Например, братом-близнецом?

Он задумался.

– Наверное, нет, – ответил он. – Если они полностью одинаковы – видимо, они будут биться довольно долго без какого-то результата... Но это если совсем логично думать. Я не прав?

– Ну почему. Прав. Считается, что так и есть. А вот если у одного будет нож – или палка, а у второго ничего не будет? – улыбнулся Кореец.

– Наверное, тот кто вооружен – тот и победит, – нерешительно ответил он, чувствуя какой-то подвох.

– Знаешь..., – задумчиво произнес Кореец, сделав паузу, – я тоже так думаю на самом деле. Но считается, что и в этой ситуации они будут сражаться очень долго. Потому что тот, кто бьется голыми руками, тренирован и в обороне против палок и ножей. Видишь в этом логику?

– Вообще-то да, – ответил он, подумав. – И что из этого следует? – переспросил он, слегка потеряв нить беседы.

– А следует то, что из всего этого делается вывод, что один человек может также бесконечно долго сражаться против двух таких же, как он. С палками они или там велосипедными цепями, или вообще с пустыми руками. Если он, конечно, подготовлен на самом серьезном уровне.

– И против трех? – засмеялся он от парадоксального вывода.

– И против четырех тоже, – ответил Кореец. Он не смеялся и выглядел задумчиво, как будто был где-то далеко – далеко отсюда. Казалось, Кореец думает о чем-то своем и говорит машинально, не вдумываясь в смысл собственных слов... Потом он неожиданно стряхнул задумчивость и весело продолжил:

– И даже против пяти. И шести. И против восьми.

– И против девяти тоже? – эта история стала его забавлять.

– Нет. Против девяти уже нет.

– А почему?

– Считается, что максимальное количество очень тренированных людей, которые могут на тебя напасть одновременно, не причинив вреда друг другу своими палками и прочими железками, не может превышать восьми. Якобы, не знаю уж, кто считал, восемь могут, а остальным места не хватит. Поэтому тот, кто научился драться с восьмерыми одновременно – с одной стороны, непобедим. А с другой стороны, может биться против бесконечности.

Кореец опять задумался, но на этот раз ненадолго.

– Знаешь, честно говоря, думаю, это все чепуха. Да и в твоём случае – где набрать такое количество мастеров, которые на тебя кинутся? Едва ли у них у всех проблемы с математикой, и ты не дашь им списать, – неожиданно рассмеялся Кореец и продолжил:

– Так что помнить тебе надо о том, что много их сразу не будет. Но а если и будет – ничего страшного. Вся толпа сразу не набросится. А раз не набросится – у тебя будет время оценить расстановку сил.

– И что потом – я все равно не понимаю, – спросил он. – Ну не набросятся все сразу. Но ведь они же там будут. Как поступать? Если не в теории, а в практике?

Кореец посерьезнел.

– В этом случае твоя задача понять, кто у них самый главный. Основной. Из тех, про кого спрашивают «кого знаешь». Он не обязательно самый большой, но узнать его можно всегда. Определи самого главного – самого уверенного, того, кто принимает решения.

– Ну, определю я его. И что?

– А вот когда определишь главного, запомни, он – твоя основная цель. Есть такая африканская поговорка – «руби дерево, обезьяны сами разбегутся» – усек? Вот дерево – это и есть главный. А обезьян везде хватает.

– И что? – недоверчиво спросил он. – Разбегутся?

– Там увидишь, – непонятно ответил Кореец и продолжил:

– Лучше думай о том, что ты сегодняшней уже вполне вероятно справился бы с восемью такими же, каким ты был вчера. В теории, конечно. Впрочем, мы отвлеклись.

– Запомни и уясни и затверди себе то, что важен первый удар. Его сила и его скорость. Можно научиться тысяче приемов, но в жизни они тебе не помогут, если ты не умеешь нанести простой удар рукой.

– Вот сожми кулак, – скомандовал Кореец без всякого перехода.

Он машинально сжал кисть правой руки в кулак. Кулак выглядел как-то не впечатляюще.

– Ну. Сжал.

– Разожми. Все неправильно, объясняю.

– Когда ты сжимаешь кулак – ты должен сделать так, чтобы внутри не было никаких пустот, так мало воздуха, как это возможно. Ты не перчатку боксерскую надеваешь – в ней места много – но у нас задача абсолютно противоположная. Боксер бьет перчаткой. Перчатка она сохраняет как руку, так и противника. Нам сохранять надо только руку, поэтому все проще, – сделал Кореец неожиданный вывод.

– Поэтому сначала ты, отведя большой палец в сторону, чтобы не мешал, сгибаешь самые первые фаланги остальных пальцев, видишь – вот так.

– Понятно, – ответил он и повторил движение – рука выглядела смешно. Почему-то рука Кореяца совсем не производила смешного впечатления, а может быть, ему так казалось, он не знал.

– Теперь ты плотно-плотно, насколько хватает сил, сжимаешь кулак. И сверху – на то, что получилось – кладешь большой палец, вот таким образом, чтобы сам большой палец не попал на ударную плоскость.

Ему показалось удивительным то, что кулак, который получился в результате, действительно выглядел как кулак. Ему немедленно захотелось куда-нибудь ударить и видимо Кореец это тоже почувствовал.

– Бей меня в ладонь, посмотрим, что получится.

– Он ударил, и в этот раз так сильно, насколько смог. Ладонь Кореяца смягчила удар, он даже не понял, каким образом его рука была остановлена в воздухе.

– Основные ошибки у тебя следующие. Запоминай – это основа техники.

Первое, в момент удара, а чтобы не думать об этом – держи так руку постоянно – воображаемая линия от самой левой костяшки кулака – вот этой – от которой начинается указательный палец – должна проходить в сторону предплечья, и оставаться ровной. Если посмотреть на вытянутую руку, сжатую в кулак, сбоку, ты должен увидеть прямую линию. Кулак не должен уходить вверх, не должен заваливаться вниз, только абсолютно прямая линия. Кулак должен быть всегда продолжением руки. Иначе ты ударишь, и что будет?

– Будет больно, – машинально ответил он.

– Ага. Будет очень больно. Вывихнешь или выбьешь кисть. А уж потом тебе будет совсем больно – это, поверь, тебе обеспечат.

– Да уж... Почему-то он внезапно представил себя, окруженным восьмью Кореяцами, нападающими на него одновременно. Из-за их спин виднелись другие Кореяцы, ожидающие своей очереди, сварливо ругающиеся друг с другом, некоторые с ножами и велосипедными цепями, и в центре композиции он сам – баюкающий на груди свою руку с выбитым кулаком. Картинка была такой живой и яркой, что он невольно засмеялся.

– Смешного тут нет ничего, – Кореец говорил серьезно и даже как-то сурово. – Смотри дальше – ударная плоскость. Состоит она из двух костяшек – называют их, – тут Кореец произнес какое-то незнакомое, очевидно восточное слово, которое он немедленно забыл, – и поверхностью указательного и среднего пальца. Такой вот прямоугольник – видишь? – Кореец провел по ударной плоскости на его кулаке пальцем, как будто нарисовал прямоугольник карандашом, его палец был сухим и твердым, как карандаш.

– А теперь самое сложное. Как бить, как должна идти рука и как ты должен ее возвращать в исходное положение для нового удара.

И они занимались еще долго – он потерял счет времени и только иногда стряхивал пот, который стекал у него по лбу и катился ниже – по щекам, иногда даже повисая капельками на кончике носа, которые он сразу нетерпеливо стряхивал взмахом головы, и продолжал бить, бить и бить – по воздуху, по воображаемому противнику – он даже не представлял себе никого конкретного, он превратился в автомат, он наносил и наносил удары, исправляя ошибки, полностью на уровне граничного сознания внося коррективы в движения, когда Кореец указывал ему на ошибки.

«Возвратное движение бедрами – четче, рука идет обратно не к бедру, а ближе к подмышке, резче, не расслабляй кулак» и это продолжалось еще долго – пока он совсем не выдохся.

Когда Кореец жестом велел ему остановиться, он облегченно вытер пот с лица майкой и только сейчас понял, сколько прошло времени, что он проголодался и вымотался – и подумал о том, что на сегодня наверное тренировка – их первая тренировка – закончена, и он сможет отдохнуть.

Но это был еще не конец занятий.

– Стало что-то получаться, – ему показалось скептически подытожил Кореец.

– Но техника – это только пять процентов успеха, ударить красиво и правильно конечно очень важно – но... – Кореец сделал паузу, – помимо «красиво и правильно» ты должен ударить сильно. Как мне самому говорили в свое время – таким образом, чтобы твой противник уже не ощутил серию, следующую за первым ударом.

– Вот смотри, – они подошли к дереву, ствол которого Кореец ковырял некоторое время назад. Это была липа, от нее плыл мягкий и сладкий запах, плотная кора надежно облегла мощный ствол. Видно было, что это довольно старое дерево, но на коре не было видно и следа трухлявости.

Без какого-либо предупреждения Кореец внезапно ударил. Технику его удара было невозможно оценить – видно было только то, как что-то стремительно мелькнуло в воздухе, и только потом раздался хруст. От дерева отлетел кусок ствола – и было видно, что он примерно пяти сантиметров толщины. Несмотря на прочность, кусок древесины отскочил далеко в сторону, обнажив светлый и ровный участок среза.

Он открыл рот от изумления и в замешательстве и каком-то ступоре не нашелся что сказать, только тупо смотрел на ствол дерева – в его голове не могло уложиться то, что по дереву можно ударить с такой силой, не повредив и не искалечив бесповоротно руку.

Протянув палец, он потрогал край коры и удивился ее прочности и жесткости.

Из оцепенения его вывел неожиданно мягкий голос Кореяца:

– Надеюсь, ты запомнил, брат, – вали дерево. Обезьяны разбегутся.

– Но для того, чтобы это у тебя получилось – со временем, конечно, потребуются усилия. И это должны быть твои усилия, и тут уж все зависит только от тебя.

Они пошли в сторону его дома, и по дороге Кореец продолжил объяснять.

– Ты читал «Мифы древней Греции»?

– Читал, конечно, – улыбнулся он. – И не раз перечитывал. Очень мне нравится читать про этих богов и героев.

– Если помнишь, там был один деятьель, который таскал на плечах теленка. Помнишь?

– Ага, с радостью подхватил он. Теленок тяжелел и вместе с ним росла сила того парня. Он носил теленка и носил, пока не стал таскать на плечах быка. Я, помню, еще подумал, что серьезно так у него сила нарастала. Ну или быка плохо кормили, чтобы этот спортсмен не надорвался.

Они засмеялись, и некоторое время шли молча.

– И все же основной принцип отражен верно, – произнес Кореец.

И когда он открыл рот, чтобы возразить и поспорить – Кореец тихо закончил, – вспомни дерево. Я не предложил ударить тебе, потому что снова заниматься мы бы тогда смогли нескоро. А времени у нас и так немного.

Поэтому слушай и мотай на ус.

Дома набираешь газет и делаешь из них подшивку. За год. 365 листов. Прошиваешь их плотно. Можешь пачками потоньше, но в результате у тебя должна получиться пачка – в 365 листов, возможно она будет и толще – листов 400 или 500. За год – это я к примеру сказал.

– И что дальше? – спросил он, начиная догадываться.

– Вешаешь ее на стену. В крайнем случае, отца попросишь. Висеть должно крепко. На уровне от шеи до пояса. Толщина пачки должна быть такой, по которой ты сможешь ударить так, как я тебя сегодня учил, но обязательно в полную силу. Основы ты усвоил, иногда мы конечно будем поправлять технику, но ничего сложного там нет.

И главное запомни – торопиться тебе некуда. Убедишь себя в том, что уже готов, что сможешь ударить по тонкой пачке, ударишь в результате не в полную силу – и испортишь все дело. Ты понял? Не торопись. Быка на плечи сразу не взвалишь, каким бы недоношенным и рахитичным он не был.

Сколько раз в день ты должен ударить, чтобы позволить себе оторвать листок – зависит от тебя и только от тебя. Все очень индивидуально. Но главное помни – ты должен бить только в полную силу. Бить, не боясь, что сломаешь руку. Это ты уясни твердо. Буквально

заруби себе на носу. Завтра утром я зайду за тобой и посмотрю. Заодно и покажешь, что у тебя получается.

И вот еще что, чуть не забыл, – подыщи что-нибудь для турника. Трубу какую-нибудь или что-то вроде.

Он вздрогнул. Турник? Но ведь я тебе... Кореец не дал ему договорить:

– Помню, помню. Ни одного раза не можешь и все такое. Ну не можешь и не надо. Подтягиваться тебе не придется, не волнуйся. Я тебе обещаю, – Кореец загадочно улыбнулся и подмигнул ему на прощание.

Глава 6

С подшивкой он справился неожиданно быстро. Складывая друг на друга пачки бумаги, он радовался, что не сдал газеты в макулатуру, один раз он даже увлекся и стал читать привлекшую его внимание статью, но опомнился и сосредоточенно работал, пока не закончил.

У него был опыт – раньше он много раз вырывал из журналов «Вокруг света» фантастические рассказы и приключенческие повести – и научился переплетать их, руководствуясь статьёй из журнала «Юный техник», по приложениям из которого он клеил модели из бумаги.

Закончив, он с удовлетворением посмотрел на внушительную подшивку: он затруднился бы сказать, сколько в ней листов – все газеты отличались количеством страниц. Примерную толщину пачки он определял прямо на полу, ударя тихонько по пачке кулаком, постепенно увеличивая силу. Поскольку у него не было уверенности в том, что он сможет ударить в полную силу по газетам, он с явной неохотой добавил еще одну стопку, утешив себя мыслью, что если ему будет очень легко, то он сможет отрывать каждый день не по одной, а по несколько страниц.

На софе сидел потрепанный плюшевый медведь и, как ему казалось, одобрительно поглядывал на его манипуляции своими выпученными пуговичными глазами. Он вспомнил, как раньше старался отработать удар, используя мишку в качестве снаряда, и ему стало неловко. Он подмигнул медведю и неожиданно для самого себя произнес вслух – «ну что, будем рубить дерево»? И сразу в голове невольно возник невысказанный вопрос, – а что, если обезьяны не разбегутся? А дерево не свалится? Он решительно отмахнул эту мысль и переключился на более важные и насущные дела.

Сначала он подумал, что сам повесить подшивку на стену он не сможет. Бетонная панель стандартной «хрущёвки» предполагала использование дрели. Папы еще не было дома, и вдруг он вспомнил про пробойник – железный штырь с победитовой насадкой, который надо было прокручивать каждый раз после удара по основанию штыря молотком.

Казалось, это было решением проблемы и, стараясь не думать о реакции родителей на дыру в стене, он нанес первый удар молотком.

Ему повезло – бабушка была в магазине – и он довольно быстро умудрился пробить достаточно глубокое отверстие в стене. Он не раз помогал отцу в домашних делах и представлял основные действия по укреплению в стене шурупов. Выбрал он самый большой и толстый из тех, что нашлись в наборе инструментов и, загнав в отверстие деревянную пробку, на которую пришлось пустить остатки модели торпедного катера, он с трудом вкрутил его отверткой.

Попытки покачать шуруп пальцами показали, что сидит он крепко и уверенно.

Водрузив на стену подшивку – крепко и надежно прикрутив ее бечевкой к шурупу, он с удовлетворением оглядел плоды своего труда. Казалось, на стене висит здоровенный отрывной календарь, хотя справедливости ради нужно было признать, что интерьер его комнаты от данного аксессуара не улучшился.

Он глубоко вздохнул и подошел поближе.

Левую руку вытянуть вперед, правую сжать в кулак – он аккуратно сжал руку в кулак – и ему показалось, что он сжал ее даже крепче и сильнее, чем в течение всего занятия утром, прижать к правому боку пальцами вверх, – он воспроизводил боевую стойку по пунктам, усвоенным им сегодня, и отгонял мысли о том, что это все бесполезно, что он никогда не сможет научиться так бить, чтобы одна самая маленькая обезьянка на вершине дерева обратила внимание на то, что он ударил по стволу – он выругался вслух – дались ему эти обе-

зьяны... и тут в памяти всплыло спокойное и уверенное лицо Корейца – и его слова – «тут все зависит только от тебя».

Он постоял еще мгновение, успокоил дыхание и синхронно с выдохом нанес первый удар. Он бил изо всей силы, представляя удар Корейца по липе.

От подшивки ничего не отлетело. Самая первая страница немного промялась в том месте куда пришелся удар и, посмотрев на руку, он увидел следы типографской краски на кулаке. К своему ужасу он понял, что ударил не ударной плоскостью, а всем кулаком – испачканы были все костяшки – а не только первые две, называемые полузабытым им странным и необычным восточным словом.

– Он произнес это восточное слово так, как оно ему вспомнилось сейчас, произнес громко, будто покатал его во рту, как камушек. Слово было странное и незнакомое, да еще и запомнил он его конечно же неверно. Трудно сказать, нравилось оно ему или нет. Впрочем, это было неважно.

Стараясь помнить о технике удара и не торопиться, он начал методично бить по стене правой и левой рукой, периодически переводя дух и поглядывая на костяшки пальцев.

И вдруг в какой-то момент он попал в странный ритм, его сознание отключилось, а он бил и бил. Перед его взором проплывали странные картины – он представлял себя и своего возможного брата – близнеца, которого он не мог победить, восемь обезьян с палками, молотящих от злости друг друга потому, что не могли грамотно к нему подойти, не причинив себе вред, и потом все эти картинки заслонили лица двух его одноклассников, показывающих на него пальцами и залиvisto смеющихся. Он сам не обратил внимания на то, что стал бить ожесточенно, ритм увеличился и опомнился он только в тот момент, когда хлопнула дверь и он, обернувшись, увидел удивленные и обеспокоенные лица родителей.

Он остановился и только тут его взгляд упал на подшивку. Центр ее измочалился – несколько слоев газеты было изорвано в клочки, обильно усеивавшие пол. Его кулаки были в крови, все костяшки без исключения – опять он нарушил технику – были ободраны и кровоточили – кулаки были испачканы черной краской, и он почему-то подумал о романе Стендаля «Красное и черное».

Дискуссия с родителями была сложной и непродуктивной. Они не ругали его за дыру в стене и подшивку, но он понял, что он не может ответить на их вопросы, из которых основной был – «зачем?». Он вполуха слушал то, как папа убеждает его в том, что он неизбежно и неотвратно повредит себе кулаки, что-то про размягчение костей, про выбитые суставы, но все это время он бубнил что-то себе под нос и вспоминал, как Кореец без видимых усилий фактически вырвал одним ударом кусок мощного и крепкого дерева. Размягчение костей – как же, подумал он.

И ему опять показалось, что плюшевый медведь одобрительно подмигивает ему с софы.

Глава 7

Утром все было по-прежнему.

Он с гордостью продемонстрировал зашедшему за ним Корейцу висящую на стене подшивку. Еще больше гордости в нем вызывал факт того, что его руки были разбиты в кровь – удивительно, но никогда ранее его кулаки не выглядели столь внушительно и впечатляюще. Но руки он спрятал за спину – хвастаться и гордиться, казалось, было нечему. В особенности перед человеком, который с легкостью мог вырвать из мощного дерева кусок древесины без видимых повреждений на руках, как бы походя и обыденно, как само собой разумеющееся.

Кореец с непроницаемым видом изучил подшивку, зачем-то поковырял пальцем края измочаленных газетных листов в самом ее центре и буднично сказал:

– Покажи руки.

Он с тщательно скрываемой гордостью протянул руки вперед костяшками вверх – кожа на них была ободрана и отдельные кусочки бахромелись на краях первой и второй костяшки, на тех самых, о которых ему говорил Кореец.

Кожа была сорвана по всей ударной плоскости – были разбиты фаланги и суставы всех пальцев. Мама обработала накануне его раны йодом – это было больно, но он терпел, стиснув зубы, и свежая сукровица, выступившая при сжатии рук в кулаки на фоне потеков йода, впитавшегося в кожу, и подсохшая живописными разводами, выглядела впечатляюще.

Кореец казалось бы не обратил внимания на повреждения и небрежно повернул его ладони. Увидев аналогичные отметины на больших пальцах, он нахмурился и так же буднично сообщил:

– Я тебе, кажется, особо говорил про большие пальцы – и про то, как их надо ставить. Ты хочешь сустав выбить? – и, не дожидаясь ответа, подошел к висящей на стене подшивке и ударил по ней рукой без замаха.

В этот раз он увидел и отметил момент удара, против его ожиданий не раздалось никакого особенного звука, и штукатурка не посыпалась с потолка, куда он тревожно и невольно перевел взгляд.

Кореец улыбался своим мыслям, задумчиво изучая верхнюю газету – висевшую, как он отметил, вверх ногами. Проведя по ней пальцем, Кореец как бы встрепенулся и вернулся откуда-то издалека, где блуждали его мысли – о характере раздумий он постеснялся спросить.

– Пока не срывай листы. Послежу за твоими руками. Большой палец и ударная плоскость, помни об этом постоянно. И бей не сериями, а поспокойней, не забывай о технике.

И моментально задал следующий вопрос:

– По поводу турника что у тебя?

Он и ждал и боялся этого вопроса.

Место, где можно было бы пристроить турник, он определил сразу. Стандартная «хрущевская» «трешка» не оставляла большого простора для вариантов и фантазии. Сразу после проходной большой комнаты, которую всегда называли залом, одна дверь вела налево – в спальню родителей, а вторая направо – в его комнату. Прямо был небольшой чуланчик с отдельной дверью, где мама держала банки с соленьями и вареньем, и пространство с дверным проемом и двумя дверьми идеально подходило для размещения турника.

Его можно было укрепить между косяками двух дверей в комнаты – и подтягиваться лицом к чуланчику.

Если бы он, конечно, умел подтягиваться.

Когда он выбирал место для турника, невольно всплыли недавние воспоминания о его позоре на уроке физкультуры, когда их физрук опять устроил очередное соревнование «кто больше подтянется» – и «насколько приблизится к рекорду школы» – его излюбленная фраза.

Для их седьмого класса норматив, установленный физруком, составлял семь раз на отличную оценку, пять – «на четверку» и три раза «на тройку». Всего три одноклассника могли подтянуться семь раз. Ни один не мог подтянуться восемь, но над их попытками выжать – таки восьмой раз никто и никогда не смеялся.

Смеялись всегда почему-то над ним. Он был не единственным, кто не мог подтянуться ни разу – еще несколько человек были в такой же ситуации, но только его выход к турнику сопровождался всегда бурным весельем и радостью всего класса.

Да и с того самого момента, когда он при ответе на уроке стал машинально дергать правой рукой в сторону – в тот самый момент, когда он заикался от волнения и не мог начать предложение при ответе – с того самого момента его передразнивали девочки, когда у них было настроение – смешно дергая в сторону рукой и заливаясь веселым смехом.

Но ему было не смешно.

И ему не было смешно выходить перед всем классом к турнику – он шел, с трудом передвигая ноги, как на эшафот, поворачивался лицом к классу, потому что подтягиваться на турнике спиной к классу считалось невежливым, и с трудом вскарабкивался до перекладины. Он не мог просто подпрыгнуть вверх и ухватиться за прохладный металл – его пальцы всегда соскальзывали и он падал вниз на маты, подстеленные внизу, и он начал вползать до перекладины по боковой стойке, как по канату. И опять ему единственному не было смешно.

Да, он старался подтянуться. Но его попытки хоть чуть-чуть приблизить свой подбородок, чтобы хоть раз – один только раз перенести его над перекладиной – приводили к тому, что он весь спазматически извивался, как червяк, насаживаемый на крючок, но ни на миллиметр не приближался к поставленной цели. Его попытки всегда вызывали самое бурное веселье класса, иногда даже слышались аплодисменты.

Причем наиболее громко и зажигательно веселились девочки, которым не нужно было подтягиваться вообще, они всего – навсего отжимались, причем не от пола, а от двух стоящих параллельно гимнастических скамеек, что было на его взгляд не то что проще, а неизмеримо проще. Он был горд тому факту, что мог просто отжаться от пола ровно десять раз – после чего его силы иссякали, и он падал на пол, но отжимался он всегда дома, где некому было над ним смеяться. И поддерживать было тоже, к сожалению, некому.

Кореец одобрительно хмыкнул, увидев место предполагаемого размещения турника, и немедленно задал вопрос:

– А турник?

Ему было немного неловко показать и объяснить то, что он придумал использовать в качестве турника.

Безусловно, найти отрезок гладкой никелированной прохладной на ощупь трубы было бы здорово, но он не смог придумать, где можно было бы раздобыть такой кусок.

Единственная мысль, которую он не смог отбросить после обдумывания различных вариантов, было приспособить для этих целей кусок клюшки.

Да, хоккейной клюшки.

У него была клюшка. Он не умел кататься на коньках – не говоря уж о модных хоккейных, с заточенными лезвиями, что там говорить, он с трудом катался на коньках, крепившихся к валенкам – у них было по два лезвия на каждый валенок, видимо, конструктор данного чуда инженерной мысли предполагал, что на двойных лезвиях стоять будет проще. Стоять на них действительно было можно, но кататься абсолютно невыносимо. Он пытался это делать и несколько раз ходил на каток тренироваться – после каждого раза у него болели

все мышцы, и в особенности ноги и бока – на которые он постоянно падал, каждый раз по возвращении с катка он с облегчением стягивал с себя валенки и надеялся, что кататься больше не придется.

Апофеозом его конькобежной карьеры была покупка клюшки.

Ударная часть у нее была абсолютно плоской – он не знал тогда, что нужно специально распаривать древесину над кипящей кастрюлькой и сгибать ее для достижения нужной формы, он только видел, как все играют клюшками с изгибами, красиво в несколько слоев обмотанными синей изолентой. Он действительно вышел однажды поиграть в хоккей – и его, к немалому удивлению, даже приняли в игру, несмотря на нелепые валенки с коньками, пристегнутыми кожаными ремешками, и клюшкой без модного изгиба для достижения мощного и эффектного удара по воротам.

Он и ворота-то толком не разглядел за то короткое время, что находился на поле – практически сразу после выхода на каток он упал, поскользнувшись, и когда поднимался, неловко опираясь на клюшку – ему в лоб попала шайба...

Сейчас клюшка лежала перед ними – дабы не оставить ей никаких шансов он еще вечером решительно отпилпил пилой по дереву ударную плоскость и сейчас она представляла собой просто ребристую палку нужной длины.

Кореец резко взглянул на него и спросил:

– Это ты планируешь использовать для турника? И сжал палку в руках – казалось он прислушивается к ощущениям.

Он молча кивнул.

– Даже лучше, чем могло бы быть, – произнес Кореец непонятную фразу и продолжил – а мы прямо сейчас и закрепим. После этих слов Кореец эффектно крутанул палкой вокруг себя, будто прислушиваясь к ощущениям – это не казалось рисовкой – действие было машинным, но таким эффектным и красивым, что он затаил дыхание и невольно открыл рот. Но ничего не сказал.

Возились они не очень долго – набивая на косяки куски деревяшек для того, чтобы закрепить клюшку в нужном положении и когда закончили, у них получился вполне симпатичный турник – только не круглый в сечении, а прямоугольный.

Потрогав его рукой и проверив, насколько крепко сидит в подготовленных пазах деревянная палка, Кореец объяснил ему – что необходимо делать.

– Поскольку ты у нас рекордсмен, – начал Кореец, тут они оба усмехнулись, причем, если улыбка Кореяца была традиционно лучезарна, он сам хмыкнул скорее скептически, но все же ничто не могло испортить ему настроения в это утро, и даже воспоминания о попытках подтягиваний, вызывавших бурное оживление всего класса не смогли бы омрачить его радости от прошедшей недели. Кореец продолжил:

– Подтягиваться, как я и обещал, тебе не придется, не переживай. Делать тебе будет нужно довольно простую вещь.

Глава 8

– Все, что тебе необходимо – это повиснуть подбородком выше перекладины. И висеть – терпеть и висеть, насколько хватит твоих сил.

– Как же я интересно смогу это сделать? – удивился он.

– Ну, подтянуться-то ты все равно не можешь, – сказал Кореец – поэтому забирайся со стула. Залез, подбородок оказался выше перекладины, повис, и виси.

– А потом?

– А потом, когда поймешь, что устал висеть, и руки разгибаются – разгибай руки, но только медленно, медленно. Резко не прыгивай, а опускайся плавно. Настолько плавно, насколько сможешь. Понял?

Упражнение показалось ему простым – ну повисеть, подумаешь, делов-то.

– Понял, конечно. А зачем это нужно?

– Говорят, полезно, – сказал Кореец загадочно и улыбнулся. – Ты, главное, считай про себя – один, два, три. Чтобы каждый следующий раз провисеть хотя бы на один счет больше. Пока держишься – считаешь, про себя считай, не вслух, дыхание не сбивай, потом пока опускаешься, разгибая руки, – продолжай считать и, когда уже совсем прыгнешь, тогда запомни результат и до следующего раза.

– А сейчас пошли заниматься, домашнее задание потом делать будешь.

Когда он вернулся домой, ему казалось, что прошла целая вечность. Все его тело болело. Для отработки техники Кореец обзавелся палкой и периодически стучал по нему – когда он по его мнению допускал ошибки, объясняя это тем, что легкие удары полезны, и вроде бы ему не было больно – но сейчас, когда он стянул с себя грязную и потную майку, ему показалось, что его тело превратилось в сплошной синяк. Очень болели предплечья – Кореец учил его защищаться и имитировал удары нападающих с помощью все той же палки, и объяснял, что при правильно поставленном защитном блоке не должно быть больно, потому что удар нападающего обязательно потеряет свою энергию и погасится.

Видимо, он все делал неправильно – при каждом следующем блоке руки болели все сильнее и сильнее, а Кореец бил и бил – сверху, снизу, сбоку – а он ставил верхний, нижний и боковой блоки, изнутри и снаружи – все пытаясь погасить энергию ударов, и ему казалось, что он никогда не научится. В какой-то момент пришло ощущение, что все, он больше не может, но сказать об этом почему-то было невозможно, и он продолжал, стиснув зубы, и через некоторое время забывал о том, что совсем недавно не мог пошевелить рукой.

Перед возвращением он подошел к липе и провел ладонью по еще недавно свежему слому на стволе. Это место уже потемнело и не так явно бросалось в глаза. Он еще раз удивился невозможному – и не смог сформулировать собственные мысли, да у него и не осталось ни мыслей, ни эмоций – только удовлетворение от того, что он смог выдержать бешеный темп занятий, навязанный Корейцем.

Ему казалось, что Кореец специально пытается измотать его, задать темп, которого он не выдержит. Он подумал о том, что не знает, чему его учит Кореец – и правильной ли технике – но это уже было неважно. Ему было неважно чему он учится, он наслаждался самим процессом, ранее ему неведомым, он прислушивался к боли в своем теле и знал, что он обязательно выдержит – даже если все это – изощренное издевательство над ним, а никакая не учеба.

Его желание научиться драться притупилось и сейчас он учился чему-то, чему он сам не мог дать названия. Даже лица его обидчиков размылись в памяти, он лишь мельком вспомнил о них тогда, когда они опять пришли в школьный сад, но и эта мимолетная мысль растворилась с первым же ударом палки Корейца.

Он умылся и подумал о том, что уже несколько дней не держал в руках книгу. Мама принесла специально для него из библиотеки один из красных томов двенадцатитомного собрания сочинений Дюма, но когда он открыл книгу – вдруг понял, что не может читать. Буквы плясали у него перед глазами, каждое перелистывание страницы отзывалось болью в разбитых руках, и он отложил книгу в сторону.

Происходящее с ним было куда интересней книги, но даже на обдумывание этого факта тратить время было жалко.

Он знал, что Кореец уедет в свой город – и от этой мысли ему было горько, он стал грустить и готовиться к расставанию пожалуй с того самого момента, когда узнал о том, что оно неизбежно.

Он успел помечтать о том, как было бы здорово натолкнуться вдвоем с Корейцем на своих одноклассников – и посмотреть, как у них получится потребовать у него денег или как-нибудь еще унижить. Но сейчас, когда они стали заниматься вместе, на такие мысли просто не осталось времени, и он пытался выжать из своего организма столько сил и энергии, сколько было вообще возможно, только для того, чтобы успеть, успеть научиться тому, чему мог научить его этот небольшой жилистый пацан с веснушчатым носом и необъяснимо твердыми, деревянно – шершавыми ладонями.

Он подошел к своему импровизированному турнику и с тоской посмотрел вверх. У него не было ни боязни, ни страха – необходимое упражнение было на его взгляд простым и несложным – и тратить время на его выполнение казалось глупым и бессмысленным, но это было частью его тренировок – и он пододвинул поближе табуретку.

С табуретки его подбородок был и так выше перекладины и он решительно взялся руками за клюшку и соскочил.

«Простое и несложное» упражнение оказалось таковым только в первую секунду. Он даже не успел сосчитать до одного, как руки его разогнулись, и он больно ударился подбородком. От неожиданности он разжал руки и сорвался, чуть не упал, задев ногой табурет, и ощутимо стукнулся спиной о косяк дверного проема. Ощущение в руках оказалось совсем не таким, как он ожидал, ребристая клюшка только на вид была похожа на настоящий турник – держаться за нее было сложно и неудобно, руки сразу заболели, и ему показалось, что у него ничего не выйдет.

Но сразу перед глазами встало невозмутимое лицо Корейца, и он понял, что не сможет рассказать ему о том, что он не смог, что у него не получилось.

Во второй раз он был осторожней. Поставив табурет немного сбоку, он забрался на турник и, задрвав подбородок выше клюшки, с осторожностью перенес вес на руки. Ему опять показалось, что он не удержится, и опять ударится челюстью о хоккейную деревяшку, но теперь он уже был готов к ощущениям и, сцепив пальцы изо всех сил так, что на разбитых костяшках кулаков лопнула чуть подсохшая корочка крови, постарался удержаться. Он напрягал мышцы изо всех сил и, несмотря на то, что руки практически сразу же стали разжиматься, попытался опускаться плавно и медленно. Он досчитал до трех, но, уже соскочив на пол, был вынужден сказать себе, что счет все-таки равен двум. Это было очень стыдно – в таком простом упражнении удержаться всего в течение двух секунд – даже меньше двух, потому что счет «раз, два» давал суммарно хорошо, если одну секунду.

И, отдохнув немного, он опять, упрямо пытаясь, вскарабкался на табурет. Он занимался еще долго, делая совсем короткие перерывы для отдыха, чередовал их с интервалами подольше, слоняясь по квартире и не зная, чем заняться и прислушиваясь к ощущениям в ноющих руках – мысль о том, что можно лечь на диван и открыть книгу почему-то даже не пришла ему в голову.

Один раз он ощутил прежде незнакомую боль – в тот момент, когда он опускался и старался удержаться повыше – руки внезапно пронзила резкая боль и когда он спрыгнул, он в первое мгновение не смог выпрямить руки – они остались полусогнутыми, он даже подумал о том, не повредил ли он что-то в мышцах. Но боль относительно быстро прошла, и он смог разогнуть руки, как ни в чем не бывало.

Доведя счет до четырех, он понял, что добиться большего прогресса не получится и, вспомнив о подшивке, направился к ней и отрабатывал удар еще долго, никакие образы уже не проплывали у него перед глазами в этот раз, он был спокоен и сосредоточен, он просто методично наносил удары и считал их. Почти сразу из кулаков пошла кровь, но он практически не обратил на это внимания, просто порадовался этому факту и продолжил. Прошло около часа и только тогда, когда он понял, что бьет уже кое-как и каждая частичка его тела дрожит от напряжения, он остановился. Руки его тряслись, и когда он посмотрел на пол, он увидел обрывки бумаги – два или три абсолютно измочаленных листа газеты валялись на полу, и ему даже не пришлось думать о том, настала ли пора оторвать один из них. Он весь дрожал, и только усилием воли ему удалось остановить эту дрожь.

Подшивка выглядела неопрятно. Свежая кровь красными мазками украшала верхний лист газеты и через продранные дырки перетекала на следующие, местами виднелись старые отметины – уже практически черного цвета. Толщина подшивки фактически не изменилась, но выглядела она так, что он с гордостью посмотрел по сторонам и прилепил поверх измочаленной и изорванной поверхности свежий лист газеты. Несколько пятен проступило сквозь бумагу, листок практически приклеился к подшивке и внешний вид опять был строгим и пристойным, большой календарь просто висел на стене и ждал прихода следующего дня.

И только тогда он посмотрел на свои руки и увидел, что помимо разбитых костяшек у него на ладонях набухли кровяные мозоли – ребристая поверхность импровизированного турника дала о себе знать, и легкое прикосновение пальцем к мозолям вызвало жуткую боль, и он отогнал мысль о том, что будет, когда они прорвутся.

Обильно обработав раны йодом, он с улыбкой подумал о том, что времена, когда он хныкал над разбитой коленкой и просил маму – «подуй, подуй», остались в прошлом. Йод принес ощущение прохлады – но не более. «Пощипало и все», – тихо сказал он вслух, поднес кулак ко рту и подул, от чего так и не остановившаяся струйка крови смешно изменила свое направление, и он, усмехнувшись, решительно плеснул еще йода.

Подумав о том, что надо бы купить йода побольше, он удовлетворенно счел, что тренировки на сегодня закончены.

Спал он в этот день крепко и без сновидений.

Глава 9

– Слушай, а может в кино сходим? – неожиданно предложил Кореец.

Они сидели на лавочке в школьном саду, и он прокручивал в голове сегодняшнюю тренировку. Он уже сам отмечал некоторый прогресс и с удовлетворением вспоминал особенно понравившуюся ему комбинацию, которую они разучивали и отрабатывали уже второй день.

Ему казалось, что прошло уже невероятное количество времени с того момента, когда они разучивали отдельные удары и защитные блоки.

Как-то незаметно они перешли к тому, чтобы из отдельных простейших элементов – таких как удар в верхний уровень, удар в средний уровень, мягкий блок изнутри – собирать более сложные комбинации и отрабатывать их раз за разом во все более быстром темпе, и он уже давно и думать забыл о какой-то практической применимости всех тех приемов, которыми пытался овладеть.

Он наслаждался самим процессом занятий все больше и больше – несмотря на то, что во всем теле, в разбитых руках, в суставах, во всех многочисленных местах, куда приходились удары палки Кореяца, колотившего его за каждую самую незначительную ошибку – прочно поселилась боль. Сначала он думал о ней и удивлялся тому, какой же он был слабый, его изумляло, что еще совсем недавно он плакал от того, что его били по лицу, оставляя иногда едва заметные отметины и ссадины, поражался тому, что сейчас он привык – и даже радуется, значительно большей боли, которая с какого-то момента стала его спутником, и каждое утро напоминала о том, чем он занимается – и о том, что ему предстоит впереди.

Боль, физическая боль – стала абсолютно неважной и несущественной, потому что на другой чаше весов лежали неизвестные ему ранее ощущения – ощущения ловкости, навыков и умений, о которых он раньше никогда даже и не слышал и не задумывался, о которых он не мог и подозревать – и это у него, всегда такого неловкого, нелепо выглядящего со стороны.

– В кино? Конечно, давай сходим. Это здорово. А на что?

– Да сегодня шел мимо вашего кинотеатра, когда утром к тебе направлялся – там показывают «Пиратов XX века», я слышал, что классный фильм, – ответил Кореец. – Ты не видел?

– Не-а, не видел. Он же новый совсем, недавно вышел. Собирался, как раз перед каникулами. Приятели уже все разъехались, поэтому пошел один.

– И что? Билетов не было? – поинтересовался Кореец с любопытством.

– Ну..., – замаялся он. – Билеты, наверное, были. Тормознули меня перед кинотеатром. Вежливо попросили денег. Короче, на билет мне не хватило.

Кореец засмеялся.

– Вежливо попросили? – переспросил он. Ну, наверное, им важнее было посмотреть. Да, а если бы они грубо и невежливо попросили, тогда что?

Он грустно ответил:

– Не знаю. Наверное, было бы то же самое, что и тогда, ну, когда мы с тобой познакомились.

Кореец задумался.

– Интересно. Получается, что хоть так, хоть эдак, но денег бы ты по-любому лишился.

– Ага, – ответил он. – Сейчас вот и не знаю, что лучше.

– Все к лучшему, – сказал Кореец. – Если бы ты тогда посмотрел фильм, сейчас тебе скучно было бы со мной пересматривать, верно? Так что пошли. Деньги вроде есть, как раз на ближайший сеанс успеваем. Не придется сшибать перед входом. Смешно, а если бы у нас сейчас не хватало, и мы бы у кого-нибудь вежливо попросили – это было бы нормально, как считаешь?

Он посмотрел в глаза Корейцу – они были серьезными и казалось, ему очень важно было услышать ответ на этот шуточный вопрос.

– Нет, это было бы неправильно, – твердо ответил он. Он отвел глаза, ему не хотелось следить за реакцией Корейца и даже стало неважно, что именно сам Кореец думает на этот счет.

– Может быть, и неправильно, – загадочно продолжил Кореец, – и по его непроницаемому лицу было совершенно непонятно, какой же точки зрения придерживается он лично.

Когда они вышли из кинотеатра, уже смеркалось.

Его дом был совсем рядом, – и времена, когда он после выхода из кинотеатра старался быстрее добежать домой, были в каком-то ужасно далеком прошлом. Раньше он всегда старался вернуться по освещенной улице, по которой гуляли люди – это рождало в нем чувство безопасности – но все равно, он старался вернуться побыстрее, и только в подъезде облегченно переводил дух.

Но сейчас все было иначе – и мысли о том, чтобы вернуться длинной дорогой даже не пришла ему в голову. Когда рядом шагал Кореец, чувства незащищенности не было – и наверное с ним он спокойно отправился бы куда угодно, хоть в самые темные и страшные переулки, которых он раньше всегда сторонился.

Путь пролегал через футбольное поле – сейчас это был практически пустырь, заросший бурьяном и сорняками, и они неторопливо шли по тропинке, пересекавшей поле наискосок – она выходила прямо к его дому. Они обсуждали отдельные моменты фильма – и, когда он абсолютно неожиданно для себя услышал оклик «эй, пацаны» и тихий свист, он резко остановился, будто налетев на препятствие.

Он был абсолютно уверен, что ничего такого не может произойти в принципе – он убедил себя в этом в какой-то момент времени и сейчас вдруг ощутил абсолютную иллюзорность внушенной самому себе безопасности, на мгновение вся его прошлая жизнь с ее страхами и неуверенностью вернулась и одновременно с этим под ложечкой противно засосало. Он ощутил во рту неприятный, медный вкус – как будто он положил в рот медный пятак, и его ноги на мгновение стали ватными.

Это ощущение длилось какое-то мгновение, но потом исчезло – в ту самую секунду, когда он ощутил на своем плече руку Корейца.

С его близорукостью было трудно разобрать лица подошедших к ним ребят, и только когда они приблизились вплотную, он понял, что не знает никого из них. Они абсолютно точно были не из его школы, но это было и неважно.

Он ощутил какое-то напряжение внутри и непроизвольно сжал руки в кулаки, он осознал это в момент, когда сжатие отозвалось рефлекторной болью и он, переведя глаза вниз, механически отметил, что в сумерках разбитые костяшки совершенно не видны.

Подошедших было двое, чуть повыше ростом, чем они с Корейцем, выглядели парни абсолютно спокойно и расслабленно. Один из них держал в руке бутылку «Жигулевского» и он подумал, что пожалуй парочка постарше, может быть на два, а то и три года.

– Пацаны, вы местные? – спросил тот, что был повыше.

– Местные, – услышал он ответ и тут же понял, что это он сам ответил на вопрос. Кореец молчал и искоса посматривал на него.

Высокий парень помедлил секунду, будто не зная, как продолжить разговор и задал вопрос, услышав который он невольно усмехнулся.

– А кого знаете?

Этот вопрос всегда вводил его в ступор – так произошло и на этот раз и он, открыв машинально рот, закрыл его.

– А с какой целью интересуешься? – вдруг услышал он и с удивлением перевел глаза на Корейца – Кореец говорил спокойным и казалось ленивым тоном, и расслабленно стоял, засунув руки в карманы.

– Ну, может общие знакомые есть, – ответил высокий в некотором замешательстве, тот, что пониже, стоял молча и прихлебывал пиво – наверное, со стороны их беседа производила впечатление спокойной дружеской встречи и он подумал о какой-то неправильности и нелепости происходящего.

Он успокоился, первый шок от неожиданности миновал и он ждал какого-то сигнала или указания Корейца для того, чтобы как-то действовать, но тот спокойно стоял и казалось, абсолютно расслабленно разговаривал.

– Вы сами-то кто? – спокойно продолжил Кореец и неожиданно улыбнулся.

– Мы? – переспросил высокий. Из NNN – ой школы, – и махнул рукой в непонятном направлении. – В кино идем, подумали, может выручите нас, не хватает немного. И даже уточнил – десять копеек.

Один билет стоил полтинник – и десять копеек действительно были незначительной суммой, отсутствие которой, впрочем, могло на самом деле сделать поход в кино невозможным.

К его удивлению, Кореец побренчал мелочью, извлек из кармана гривенник и протянул его высокому.

– Держи. Сеанс скоро начнется, не опоздайте.

Высокий взял гривенник с ладони Корейца и открыл рот, чтобы что-то сказать, но Кореец продолжил:

– Меня зовут Пак. Но друзья называют меня Кореец.

Подошедшие парни переглянулись – трудно было сказать, слышали они когда-нибудь про Пака «по прозвищу Кореец» или нет.

Он ничего не понимал. Происходящее казалось ему каким-то бредом и не укладывалось у него в голове. Он сделал шаг вперед и натолкнулся на ладонь Корейца, упершись ему в грудь в тот момент, когда Кореец продолжил:

– А это как раз мой друг. И вот он меня знает. А я знаю его.

Это было смешно, и он улыбнулся. Парни переглянулись еще раз и тот, что пониже, отбросив в сторону допитую бутылку, которую до этого держал в руках, примирительно сказал:

– Ну, спасибо, мы пойдем, а то и правда опоздаем, – и протянул руку.

Кореец посмотрел на его руку и никак не прореагировал. Свои руки он к этому моменту опять засунул в карманы и не сделал ни малейшей попытки вынуть их обратно.

Они молча стояли – наблюдая, как двое развернулись и ушли в сторону кинотеатра и стояли так еще несколько минут. Ушедшие парни ни разу не обернулись, и он задал себе вопрос, а может быть им действительно так необходим был этот гривенник, подаренный им Корейцем.

Когда они повернулись, чтобы снова продолжить свой путь, Кореец неожиданно остановился и негромко произнес.

– Запомни, Бро. Предотвращенный бой – выигранный бой. Меня можешь не спрашивать – я тоже не знаю, для чего им нужны были деньги. И если они собирались в кино, то откуда бы у них нашлись деньги на бутылку пива. Не знаю. Возможно, если бы я был один, все сложилось бы иначе, но я решил, что это неплохой урок. Для тебя.

– В жизни, – продолжил Кореец, – порой очень сложно разобраться, что правильно, а что неправильно. И даже что хорошо, а что плохо. Главное – это поступать так, как тебе кажется правильным. В этот самый момент. Делай то, что в данной ситуации должен. А уж там что будет – то будет.

– А я уж начал думать, кто из этих двоих дерево, а кто обезьяна, – улыбнулся он.

Они негромко засмеялись и шли некоторое время молча. Он ощущал, как внутри все успокаивается, хотя нервное ожидание возможного боя еще не прошло бесследно.

– И еще, – сказал Кореец тихо. – Я тебе раньше много говорил о том, что является самым важным – применительно к тому, чем мы с тобой занимаемся. Так вот – конечно, то, что я называл важным – важно, но самое важное – это запомнить и понять следующее:

– Все, абсолютно все – и победа и поражение – у нас вот тут, – и он постучал пальцем по его лбу. В голове. И если ты это поймешь, то победить тебя будет нельзя.

Он открыл рот, чтобы возразить, но Кореец не дал ему возможности вставить слово:

– Да, тебя можно будет избить, покалечить даже, но победить – нельзя. И сила физическая – это чепуха по сравнению с силой духа.

– Слушай, ты это о чем? Ему показалось, что Кореец несет какую-то чушь – «нельзя победить» показалось ему полнейшей глупостью – какая-то там сила духа...

– Ну, я понимаю силу мускулов. Сильная рука, слабая рука. Сильный удар – за счет сильной руки. И слабый за счет... Кореец не дал ему закончить предложение:

– Твое дело сейчас – запоминать. Это понятно? Поймешь ты то, что я тебе говорю – или не поймешь – неизвестно. Может быть, никогда не поймешь. А может быть и поймешь, и поймешь очень быстро, от многого зависит, – туманно закончил свою мысль Кореец

– Действительно, не понимаю, – ответил он со смущенной улыбкой.

– Да я сам иногда не все понимаю, – буркнул Кореец и напомнил – фильм фильмом, а домашнюю норму должен еще успеть сделать.

– Будет сделано, – весело ответил он, помнишь, как в фильме боцман классно доску разбивал и ногой и рукой? Как он там всех направо и налево...

Кореец засмеялся:

– В кино еще и не то покажут.

И они попрощались до следующего дня.

Глава 10

Звонок в дверь раздался рано утром.

Он был один, родители были на работе, а бабушка еще накануне уехала к его тетке, поэтому он был предоставлен самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.